

Свифт Джонатан

Путешествий Гулливеровых
Часть 2

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джонатан С.**
Путешествий Гулливеровых: Часть 2 / Свифт Джонатан – М.: Книга по Требованию, 2023. –
127 с.

ISBN 978-5-519-85060-5

ISBN 978-5-519-85060-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Но понеже гроза часъ отъ часу усиливалася, то укрѣпили мы пушки, и увязали верхній парусъ. А какъ корабль нашъ былъ на простиранномъ морѣ, и мы за лучшее почли пуститься по вѣтру безъ парусовъ. Буря столь была сильная, что мы съ часу на часъ ожидали себя гибели. Море было въ великомъ движеніи; волны одна събѣ другую уларяли; держали мы у руля руковяшки и помогали кормщику: ибо онъ одинъ не могъ править. Не разсудили мы снимать верхней мачты для того, что кораблю легко итти съ волнами по вѣтру: и мы увѣрились, что ходъ его лучше будетъ съ мачтою оною. Однако по щастію нашему буя сія чрезъ нѣсколько дней утихла; а въ продолженіи сей бури, за коею легкій восполѣдовалъ съ западноюжной стороны вѣтеръ, несло насъ къ востоку съ такою силою, что самыя спары и преискуны мореходцы не могли узнать, въ коей части свѣта мы тогда обрѣтались. Однако свѣстныхъ припасовъ у насъ было довольно, корабль нашъ былъ крепокъ, и люди все въ добромъ здоровьи: но вода только въ бочкахъ у насъ очень оскудѣла. Разсудили мы лучше слѣдовать по вѣтру, нежели поворотить къ сѣверу: отъ чего, можетъ быть, принесло бы насъ къ берегамъ Великой Татаріи, кои подались къ сѣверозападу въ ледяномъ морѣ.

Въ 16 день Іюня, 1703 года, сидящій мачтосъ на верху мачты усмотрѣлъ берегъ; а на утро всѣ мы увидѣли, что то было, либо твердая земля, либо великій островъ, либо мы



мы не могли распознать совершенно. Съ правой стороны сего берега, вдался небольшой мысъ въ море, и былъ ширѣ заливъ такъ же небольшой, очень мѣлкій и неспособный для входа корабля, имѣющаго больше ста ластовъ груза. Спали мы на якорѣ за четыре версты отъ залива сего. Корабельщикъ нашъ послалъ двенадцать человѣкъ вооруженныхъ на шлюпкѣ съ бочками для наполненія ихъ прѣсною водою, ели ли она найдется. Выпросилъ я у него позволеніе ѣхать съ сими мапросами посмотреть страну сію, и примѣшивъ, что въ ней находится. Вышедъ мы на берегъ, не нашли ни рѣкъ, ни источниковъ, ниже малѣйшаго слѣда жителей; что и прижудило мапросовъ сѣсть опять въ шлюпку, и плавать около берега для осмотра, нѣтъ ли гдѣ источника, или не впадаетъ ли какая рѣка въ море, а я остался на берегу, разгуливалъ одинъ, и зашелъ около четырехъ верстъ отъ моря въ страну сію, гдѣ я видѣлъ одно только безплодіе и множество горъ каменистыхъ. Началъ я устывать, и не видѣвъ ничего любопытнаго достойнаго, возвратился я тихими шопами опять къ заливу, и усмотрѣлъ своихъ мапросовъ въ шлюпкѣ спаряющихся сильною греблею спасать жизнь свою. Не могъ я узнать причины сего, и хотѣлъ имъ кричать, чтобъ они по меня возвратились; но взглянувъ въ сторону увидѣлъ я, что гонится за ними человекъ величій преогромной. Сей человекъ бросился въ воду за ними, и бѣжалъ въ водѣ весьма широкими шагами, а море было ему только



только по колѣно. Но матросы наши были около двухъ верстѣ вѣпереди его; морское дно вѣ томѣ мѣстѣ было гористо, и сей человекъ, оступаясь между горами во глубину, не могъ наступить бѣгущей шлюпки. Сіе мнѣ послѣ уже рассказано: ибо тогда не могъ я стоять и смотрѣть, чѣмъ сіе пресстрашное приключеніе кончилось. И такъ испугавшись побѣжалъ я прочь, и взлѣзъ на превысокую каменистую гору, откуда увидѣлъ вѣ первые часѣ селеній страны сея. Она мнѣ показалась совершенно удобреною и засѣянною: но сперва ничему я такъ не удивился, какъ тамошней правѣ, которая ростетъ съ лишкомъ на трѣи сажени вѣ верхъ; и я примѣнилъ, что сія права оставлена вѣ цѣлости для сѣнныхъ покосовъ.

Слѣзъ я съ горы, и пошелъ по дорогѣ, которая мнѣ казалась бывъ большою сполбовою дорогою; а она для тамошнихъ жителей была не иное что, какъ самая малая тропинка продолженная по ячменному полю. Шелъ я сею дорогою нѣсколько времени, но не могъ почти ничего увидѣть, пошому что жатва уже приближалась; а режь, пшеница и ячмень поменьшой мѣрѣ были вѣ семь сажень вышиною. Вѣ часѣ времени насилу я дошелъ на край поля сего, которое окружено тыномъ поменьшой мѣрѣ вѣ двадцать сажень вышиною; а деревья споль велики, что я опшюдь не могъ узнать вышины ихъ. Переходъ съ сего поля на другое продолженъ по пригорку, на коемъ сдѣлано сорокъ ступеней; а на верху пригорка сего лежалъ камень, чрезъ который неминуемо пере-
А 3 шаг:



шагнуть надобно. Не могъ я взойти на лѣс-
ницу сію, потому что каждая ступень въ
сажень была вышиною, а помянутый камень
больше двадцати. И такъ началъ я искасть
опверсіня въ пыну ономъ: но вдругъ увидѣлъ
я человѣка, идущаго по другому полю, точно
такой же величины, какъ шотъ, который ки-
дался въ море за шляпою. Онъ мнѣ показал-
ся сполько высокъ, какъ обыкновенныя наши
колокольни: каждый его шагъ былъ сколо пяти
сажень. Я сильно испугавшись побѣжалъ пря-
тапсья въ пшеницу, и видѣлъ его остановивша-
гося на высогѣ помянутаго перехода. Погля-
дѣлъ онъ шуда и сюда, и началъ кого то кли-
кашь. Голосъ его ревѣлъ власно какъ изъ трубы,
и раздавался споль сильно по воздуху, что я
сперва подумалъ, не громъ ли гремитъ. Топ-
часъ шесть человѣкъ такого же роста какъ и
онъ, подошли къ нему съ серпами. Шесть
Европейскихъ нашихъ косъ едва могутъ быть
равны одному серпу ихъ. Сии пришедшіе люди
не споль были хорошо одѣшы, какъ шотъ, ко-
торый ихъ призывалъ, и онъ казался быть ихъ
хозяинъ. По принятому отъ него повелѣнію
начали они жать пшеницу на той самой по-
лосѣ, гдѣ я спрятавшись лежалъ. Я, сколько
могъ, опдался отъ нихъ: но бѣгать мнѣ
весьма шрудно шуть было, потому что со-
ломенные стебли не больше семи вершковъ
между собою разстоянія имѣли; и хотя я не
могъ, свободно ходить по такому лѣсу, однако
дошелъ на сей полосѣ до такого мѣста, гдѣ
пшеница отъ дождя и отъ вѣтра къ землѣ
при-

пригнулась. Остановился я путь и далѣе иппи отнюдь не могъ, пошому что солома и колосья шаѣ сплелись, что между ими мнѣ пролѣзть никакъ не можно было; а оса у колошевъ столь была жестка и остра, что она колола мнѣ пѣло и сквозь кафшанъ мой. Жнецы между собою разговаривая, жнушъ на пшѣдесять только сажень отъ меня. Я со всемъ обезсилѣвъ, погрузился въ отчаяніе, легъ въ борозду, и желалъ окончить путь жизнь свою, представляя себѣ рыдающую вдову съ оставшимися сиротами дѣтьми моими, и жалуясь на свое дурачество, по коему я предпріалъ сей путь противу совѣта всехъ моихъ пріятелей и родственниковъ.

Въ продолженіи великаго волнованія мыслей моихъ, не могъ я возпрепятствовать себѣ, чпобъ не вздумать путь про спрану Лиллипупскую, коея жители почли меня за самаго величайшаго изъ всего свѣта выродка, гдѣ я былъ въ состояніи щипать цѣлой флоръ одною только рукою, и показывать многія удивительныя имъ дѣйствія, коихъ память хранишь будешь во вѣки въ лѣтописяхъ имперіи той, и коимъ потомки Лиллипупцовъ едва повѣрять могутъ: хотя и весь народъ обласней тѣхъ свидѣтель тому былъ. Разсуждалъ я путь лежа, какое будешь душъ моей мученіе, когда я предъ очами сего великорослаго народа буду казаться столько же малъ и бѣденъ, сколько между нами Лиллипупецъ. Но сіе я почталъ за самое малѣйшее мое злополучіе, а помышлялъ больше о томъ, что въ свѣтѣ примѣче-



но, что люди великаго роста обыкновенно бывають грубы, дики, свирѣпы и безъ всякаго сожалѣнія. Чего мнѣ ожидать тутъ осмалось? Ничего, кромѣ того, что быть поопчасъ кускомъ Бспавы во рту у перваго изъ сихъ великорослыхъ варваровъ, который увидя меня поймаеиъ. Правда, что философы основательно разсуждають, когда они намъ говоряиъ, что нѣтъ на свѣтѣ ни малой, ни великой вещи, какъ только по примѣру предмѣтовъ между собою различествующихъ. Можеиъ спаться, что Лиллипутцы найдутъ людей еще меньше себя, нежели какъ я ихъ видѣлъ; а кто знаеиъ можеиъ, что преогромные сіи люди не покажутся Лиллипутцами тому народу, коего мы еще не сыскали?

Бъ какомъ великомъ страхѣ, ужасѣ и смятеніи я тогда ни былъ, не могъ однакожъ себя воздержати отъ философическихъ сихъ разсужденій.

Одинъ жнецъ подошелъ ко мнѣ такъ близко, что онъ уже былъ только на пять сажень отъ той борозды, гдѣ я лежалъ. Убоялся я тутъ, чтобъ онъ, шагнувъ еще однажды, не раздавилъ меня ногою своею, или не перерѣзалъ бы меня на двое серпомъ своимъ; и я лишь увидѣлъ, что онъ хочетъ поднимать ногу и переступить ко мнѣ, то началъ кричать громкимъ и жалостнымъ голосомъ, такъ какъ обыкновенно кричатъ отъ страху. Сей великанъ поопчасъ остановился, и осматривая прилѣжно по сторонамъ и у себя подъ ногами, наконецъ увидѣлъ меня, и нагнувшись смотрѣлъ

рѣлъ нѣсколько времени съ такимъ зрѣніи своего стремленіемъ, съ какимъ смотритъ обыкновенно человѣкъ, который спарается поимать опаснаго звѣря съ такою оспорожностію, что бѣ звѣрекъ не укусилъ и не оцарапалъ руки ему, такъ какъ мнѣ самому нѣкогда случилось ловить крысъ въ Англіи. Наконецъ осмѣлился онъ взявъ меня перстами за лядвеи и приподнявъ меня на полторы сажени до очей своихъ, дабы лучше разсмотрѣть расположеніе спана моего. Узналъ я его мысли, и вознамѣрился ни въ чемъ ему не противиться; а онъ держалъ меня на воздухъ выше десяти сажень отъ земли, и щемилъ мнѣ лядвеи немилосердо, опасаясь, чтобы я не проскользнулъ между перстами его. Не могъ я осмѣлиться ничего дѣлать, кромѣ того, что возводилъ свои очи къ солнцу, уставлялъ свои руки, такъ какъ дѣлаютъ просящіе милосердія люди, и произносилъ нѣсколько словъ униженнымъ и весьма печальнымъ голосомъ, сходственнымъ съ состояніемъ, въ коемъ я тогда находился; ибо я каждую минуту опасался, чтобы онъ не вздумалъ раздвинуть меня такъ, какъ мы обыкновенно давимъ нѣкоторыхъ гнусныхъ звѣрковъ, коихъ мы никогда на себѣ видѣть не желаемъ. Но онъ показался мнѣ доволенъ рѣчами и дѣйствіемъ рукъ моихъ. Началъ онъ смотрѣть на меня такъ, какъ на нѣкоторую рѣдкость достойную примѣчанія, и весьма удивлялся, слыша отъ меня произносимыя слова, хотя онъ и опинюдь разумѣлъ ихъ не могъ.



Между тѣмъ не могъ я удержаться отъ слезъ и отъ стenanія. Обращая лице свое къ нему, представлялъ я ему, какъ могъ, сколь великую онъ мнѣ болѣзнь причиняетъ большимъ и указательнымъ перстомъ своимъ. Узнавъ онъ, что я спрадаю отъ перстовъ его, поднялъ онъ полу у кафлана своего и опустилъ меня весьма бережно въ оную. Побѣжалъ потчасъ къ хозяину своему показывать меня; а сей его хозяинъ былъ весьма зажиточный крестьянинъ, и потъ самый, коего я на сей полость съ начала увидѣлъ. Сей богатый крестьянинъ разспросивъ у работника своего, какимъ случаемъ я найденъ, взялъ въ руки соломинку плотиною въ такія проспи, коими мы ходя подтираемся; поднималъ онъ сею соломинкою полы у кафлана моего, кои онъ почиталъ за природную одежду у меня, и раздувалъ волосы мои, чѣмъ лучше разсмотрѣть лице мое. Призвалъ онъ прочихъ своихъ работниковъ, и спрашивалъ у всѣхъ, какъ мнѣ послѣ сказано, не видывалили они когда въ поляхъ звѣрька мнѣ подобнаго. Потомъ поставилъ онъ меня на землю съ бережливостію на четверенкахъ: но я потчасъ на ноги вспалъ, и выправя станъ свой, ходилъ предъ ними бодро шуда и сюда, для того, чѣмъ ихъ увѣришь, что я не хочу убѣжать отъ нихъ. Сѣли они всѣ около меня съ тѣмъ, чѣмъ имъ лучше разсмотрѣть всѣ мои движенія. Скинулъ я шляпу, и поклонился весьма униженно сему крестьянину. Палъ я предъ нимъ на колѣни, поднялъ голову и руки свои къ верху, и кричалъ ему многія рѣчи, про-

прося у него милосердія. Вынулъ я изъ кармана наполненный свой кошелекъ червонцами, и поднесъ ему съ покорностію. Принялъ онъ его у меня въ горсть свою и принеся весьма близко къ очамъ своимъ, дабы лучше разсмотрѣть, что сіе за вещь такая; потѣмъ выдернулъ онъ булавку изъ рукава своего, и оспирывъ концомъ поворачивалъ кошелекъ мой во все стороны, но не могъ ничего разумѣть. Я видя сіе, далъ ему знать, чтобъ онъ опустилъ руку свою на землю; взялъ я кошелекъ, развязалъ, и высыпалъ ему на руку все червонные. Тутъ было шесть Испанскихъ червонныхъ, по четыре пистоли каждый, не считая двадцати или тридцати мѣлкихъ червонныхъ. Послюнилъ онъ мизинецъ у другой руки своей, приподнималъ и разсматривалъ по одному все большіе и малые червонные: но не могъ разумѣть, что сіи вещи значили. Далъ онъ мнѣ знакъ, чтобъ я опять покласть ихъ въ кошелекъ, и положилъ бы къ себѣ въ карманъ по прежнему; а я опять подносилъ ему пять или шесть разъ кошелекъ сей, но безъ успѣха: наконецъ учинилъ я по повелѣнію его.

Сей крестьянинъ тушъ увѣрился, что я птварь разумная. Говорилъ онъ мнѣ весьма много; но звукъ его рѣчей глушилъ мнѣ уши, власно какъ водяная мельница: однако произносилъ онъ свои слова весьма ясно, на кои я кричалъ изо всей своей силы, и оповѣщивалъ ему на многихъ языкахъ, а онъ часто прикладывалъ ко мнѣ свое ухо на сажень разстояніемъ, но тщетно. Послѣ сего послалъ онъ своихъ

жне-



жнецовъ опять на работу; а самъ вынулъ платокъ изъ кармана своего, сложилъ въ двое, и разослалъ его на ладонѣ лѣвой руки своей, которую онъ опустил на землю, далъ мнѣ знакъ, чтобъ я ступилъ къ нему на платокъ. Я сіе учинилъ безъ всякой трудности, потому что ладонь его не была больше семй вершковъ толщиною; и я за долгъ себѣ почелъ во всемъ ему повиноваться. Но чтобъ не упасть, изъ плашка бы не вывалиться, и не сдѣлаться бы въ своемъ паденіи на каменистой землѣ дрождами, легъ я на платкѣ протянувшись такъ, какъ на травкѣ. Онъ взялъ сей платокъ за чешыре угла, и понесъ меня къ себѣ домой, власно какъ ппичку. Пришедъ въ домъ, призвалъ онъ свою жену, и показалъ ей меня. Она меня увидѣвъ сильно испужалась, закричала и назадъ попятилась, такъ какъ женщины въ Англіи, увидѣвъ паука или лягушку; однако по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, увидѣвъ она всѣ поступки мои, и за то, что спарался я примѣчать и узнавать подаваемые отъ мужа ея мнѣ знаки, начала меня любить, какъ мать дитя свое.

Было тогда около полудни: работникъ собралъ нмѣ на столъ и поставилъ кушанье, которое по простому крестьянскому состоянію не иное что было, какъ самое грубое мясо, положенное на блюдѣ около чешырехъ сажень величиною. Крестьянинъ, жена его, трое дѣшей, и старая бабушка составляли бесѣду. Сѣвши за столъ, хозяинъ посадилъ меня на столъ на нѣкоторое разстояніе отъ себя: а сей
столъ